

18+

Алексей Горяйнов

ЗОЛОТО САМУРАЯ

Алексей Горяйнов

Золото самурая

«Издательские решения»

Горяйнов А.

Золото самурая / А. Горяйнов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-594423-8

Золото самурая: Роман (Путешествия, военные приключения). Морской конвой с золотом, вышедший от берегов Камчатки в далеком 1943 году, не дошел до места назначения. Но золото притягивает людей сильнее, чем магнит железо. Тайна раскрывается в наши дни. Многие пытаются завладеть исчезнувшим сокровищем, не думая о том, какую цену придется за это заплатить...

ISBN 978-5-00-594423-8

© Горяйнов А.
© Издательские решения

Содержание

Алексей Горяйнов	6
СОДЕРЖАНИЕ	7
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Золото самурая

Алексей Горяйнов

© Алексей Горяйнов, 2023

ISBN 978-5-0059-4423-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алексей Горяйнов

ЗОЛОТО САМУРАЯ

Горяйнов Алексей Георгиевич

Золото самурая: Роман (Путешествия, военные приключения).

Морской конвой с золотом, вышедший от берегов Камчатки в далеком 1943 году, не дошел до места назначения. Но золото притягивает людей сильнее, чем магнит железо. Тайна раскрывается в наши дни. Многие пытаются завладеть исчезнувшим сокровищем, не думая о том, какую цену придется за это заплатить...

СОДЕРЖАНИЕ

1. У берегов Камчатки, 1943 год
2. Встреча в ресторане, 1999 год
3. Кое-что об Йонасе Петровиче
4. Банзай!
5. Хозяйство Йонаса
6. На чужом берегу
7. На вулкане
8. Двое с подлудки
9. Новое знакомство
10. Ты должен доплыть
11. На склонах Авачи
12. Гибель человека-торпеды
13. Ревность Йонаса
14. Новое поручение
15. Долгое ожидание
16. Неожиданное предложение
17. Житье-бытье Лии
18. Далеко в горах
19. Бегство
20. Жизнеописание Сигемицу
21. Дед Федосей и его заимка
22. На горячих источниках
23. Ожидание
24. Самурай и бизнесмен
25. «Ах, белый теплоход...»
26. Ночная дорога
27. Сделка
28. На острове мечты
29. У Ивана Ивановича
30. Сигемицу приоткрывает карты
31. Новичкам везет...
32. Допрос Усулы
33. Золотая нить
34. Нападение
35. Райская жизнь
36. Война объявлена
37. Зверь
38. Схватка в воздухе
39. У вулканологов
40. Коготок завяз...
41. Выстрелы в ущелье
42. Трудное путешествие
43. ...Всей птичке пропасть
44. Дорога к людям
45. Встреча
46. Налет

- 47. В гарнизоне
- 48. Кощей Бессмертный
- 49. Расплата
- 50. Убежище
- 51. Конец Кощея
- 52. Смерть самурая
- 53. Пути-дороги...
- 54. Камчатка, 1999 год

1. У берегов Камчатки, 1943 год

Далеко на западе полыхала небывалая по масштабам и жестокости война. Только что разгромили немцев под Сталинградом. Героическим успехам на фронте сопутствовала титаническая работа тыловиков, в том числе и в самых отдаленных уголках страны. Не знали слова «отдых» и на Магаданских приисках. Стране было нужно золото...

Берингово море бушевало. Сек мелкий дождь, и серая мгла окутывала побережье Олюторского залива. В одной из бухт, защищенной от ветра голыми гладкими скалами, велась погрузка военного корабля. Эсминец сопровождения стоял на рейде, дожидаясь выхода в море. Даже для военного времени процесс этот выглядел слишком таинственно. Караваном оленьих упряжек к оцепленному чекистами берегу было доставлено несколько небольших, но чрезвычайно тяжелых ящиков секретного груза. Каравану пришлось преодолеть более тысячи километров сверхсложных дорог, прежде чем от магаданских приисков груз был доставлен сюда, в Корякский автономный округ. Для чего это было необходимо, оставалось непонятным, ведь Магадан находится на берегу моря, но об этом никто не спрашивал...

Матросы работали молча, быстро, слаженно. Шторм утихал, но море по-прежнему оставалось бурным. Однако, не дожидаясь более или менее сносной погоды, командование приняло решение о срочной отправке груза.

Задачей советского эсминца и корабля прикрытия было доставить ценный груз в порт Петропавловска-Камчатского, где и должна была решиться его судьба: золото передадут американцам в качестве оплаты по лендлизу дорогостоящей военной техники или отправят его во Владивосток, с последующей пересылкой в Москву. Для этого в Авачинской бухте планировалось усилить эскорт кораблей – Курилы находились в руках японцев, а единственный судоходный Первый Курильский пролив узок – всего-то двенадцать километров, – и суда советского флота становились в нем слишком уязвимыми.

Несмотря на то, что операция проводилась в обстановке особой секретности, японским спецслужбам каким-то образом стало о ней известно. К берегам Чукотки была отправлена подводная лодка К-456 «Микадо», способная доставить в нужную точку две карликовых субмарины небольшого радиуса действия со смертниками и специально подготовленный отряд самураев...

«Микадо» находилась в автономном плавании уже больше месяца. Давно вышли все сроки запланированной операции, пора было возвращаться на остров Парамушир для пополнения запасов провианта и топлива. Вышколенная команда и специально подготовленный десант терпеливо ждали приказа от командира корабля полковника Умэдзу. Всем порядком надоело бездействие последних двух недель, когда лодка в целях скрытности и экономии ресурсов вынуждена была таиться на океанском дне и лишь изредка по ночам поднималась к поверхности, чтобы пополнить запас воздуха и подзарядить аккумуляторные батареи. Приходилось

прохлаждаться, в то время как соотечественники проливали кровь в святой битве с ожиревшими янки...

Тридцатилетний лоцман Сигемицу, невысокий сутулый человек с худощавым лицом и висячими черными усами, ежедневно задавал угрюмому командиру один и тот же вопрос: «Может быть, информация была ложной, и никакого каравана не будет?» Это раздражало полковника, но каждый раз ответом было сдержанное молчание. Командир «Микадо» сам не знал, когда следовало ожидать советские корабли с желанным грузом.

Двадцать седьмого июня полковнику сообщили наконец о движущихся со стороны севера объектах. Немедленно на субмарине была объявлена боевая готовность номер один. Уже на следующий день на рассвете два корабля русских вышли из каменистой бухты, держа курс строго на юг. Умэдзу приказал идти параллельным курсом на расстоянии, позволяющем не попасть в зону действия наблюдателей эсминцев.

К вечеру дувший с востока ветер резко поменялся на южный, который усиливался с каждой минутой. Неожиданно советские суда изменили курс на юго-западный и пошли к берегам Камчатки...

2. Встреча в ресторане, 1999 год

Нил ждал Андрея в ресторане «Прага». Облюбовав столик в углу, он вяло пил минералку. Художник опаздывал. На сцене музыканты закончили настраивать инструменты, заиграла легкая джазовая музыка. Потом «творцы искусства» надрывно запели: «Я пью до дна за тех, кто в море». Нил скривился и вспомнил своего друга Игоря. Это была его любимая песня. Игорь жил в военном городке, расположенном на скалистом берегу Тихого океана. Там провел свое детство и Нил. Их с Игорем отцы служили в одной части.

Сегодня утром Нил взялся было написать письмо другу, но помешал Андрей. Художник пропадал где-то добрую неделю, а тут вдруг позвонил с утра, и естественно ему приспичило срочно получить гонорар. Недавно Нилу удалось толкнуть новому русскому придурку большую картину Андрея «Современные нимфы у водопада», и теперь он принес другу целых семьсот долларов – по нынешним временам весьма неплохие деньги. Встретиться договорились в ресторане – художник явно решил «отдохнуть красиво».

Посетителей в этот вечерний час в зале собралось уже довольно много, но один столик, у окна, был свободен. На нем стояла табличка «Reserve». Нил чувствовал себя одиноким и потерянным среди веселящихся людей. От нечего делать он стал гадать, кто бы мог заказать этот стол и окажется вскоре рядом с ним. Какой-нибудь скороспелый магнат, недавно еще торговавший из-под полы порнографическими картами, бандит с веселенькой компанией, а, может быть, очередная телевизионная знаменитость? В одном можно быть уверенным: если столик заказала особь мужеского пола, то явится с любовницей – длинной, как глиста, томной, обвешанной побрякушками.

Метрдотель, размеренно-валяжно прохаживающийся по залу, вдруг засуетился, подбежал к двери и расплылся в улыбке.

– Добро пожаловать, Йонас Петрович, – пропел он, сгибаясь в поклоне, – всегда рады вас видеть.

В зал вошла и направилась к заинтересовавшему Нила столу компания из четырех человек. Впереди важно вышагивал толстощекий и широкоплечий, но довольно подтянутый мужчина средних лет с окладистой бородой, в черном костюме. С ним была молодая светловолосая женщина, с хорошей фигурой, одетая в дорогое, цвета старого жемчуга платье. За этой славной парочкой чуть на расстоянии поспешали два молодца – один повыше, другой пониже, судя по поведению – охранники.

Все четверо уселись за свободный стол: бородач лицом к залу, телохранители устроились, отгородив хозяина от прохода. Они презрительно поглядывали по сторонам, а на хозяина смотрели, как на какое-то божество...

Молниеносно подбежал официант с блокнотом и карандашом, готовый принять заказ. Бородач что-то говорил, а симпатичная дамочка только молча кивала или отрицательно качала головой. Она, казалось, была ко всему равнодушна.

Пока Нил следил за «крутым дядей», в зале наконец-то появился Андрей.

– Скучаешь? Я слегка запоздал, тетку рисовал с девчонкой. Ты извини, дружище, отказать неудобно было. Опять же денежки никому еще не мешали.

– Ничего себе задержался, неделю не звонил.

– А... С ребятами загудели, а там Гера девах привез, короче у Эдика на даче пять дней тусовались, пока бабки не кончились. А ты чего такой кислый? – неожиданно заинтересовался он.

Нил недовольно дернул щекой.

– Да нет, я ничего. Сижу, о своем задумался.

– Все Эллка покоя не дает? Забудь, она того не стоит. Вон, девочек сколько. Кстати, гляди, подруга на тебя пялится, красивая.

– Это та, что с крутым пришла? – безразлично спросил Нил, взглянув в сторону блондинки.

– Ты думаешь это крутой? – насторожился Андрей.

– Ничего я не думаю, мне до этого... На вот, – Нил протянул художнику доллары.

– Сотню себе за труды оставь, как условились.

– Хорошо, – Нил сунул одну купюру в карман пиджака.

– И все же она на тебя запала, так и пялится, даже мужик ее заметил, вишь, морду скривил, – не унимался Андрей.

Официант принес заказанные блюда.

– Ну-с, давай за успех операции, – сказал Андрей, поднимая рюмку водки.

Они выпили.

– Эх, Нилка, теперь легче будет. Веселей гляди на жизнь, – художник подмигнул приятелю и засунул в рот, окруженный зарослями прокуренной бородки, большой кусок аппетитной отбивной. – Если так пойдет, к весне накоплю денег и свалю на заработки. В Италию! А тебе опять старые мечты душу бередают? Не переживай, съездишь когда-нибудь на свою Камчатку. Мне вот иногда тоже чего-нибудь в голову взбредет: море, пальмы, островитяночки, тоже, как дурак, размечтаюсь. Прикинь – я художник, а ты мой менеджер: вот мы живем на каком-нибудь острове; я картины рисую, а ты мне всякие выставки устраиваешь, переговоры ведешь, у нас вилла роскошная, тачка с наворотами, вокруг креолочки-папуасочки, и мы с тобой...

– Давай еще по одной? – прервал болтовню приятеля Нил.

– Можно, – Андрей решительно опрокинул в себя рюмку, сморщился и, помотав головой. Изрек: – Не, Нилка, все же он урод какой-то, а не крутой.

– Да чего ты все об одном и том же? Расслабься, Андрюха, гуляем, – Нил растянул губы в улыбку и тут же поймал себя на том, что невольно бросил взгляд в сторону незнакомки, которая по-прежнему пристально глядела на него.

Тем временем, Андрей, выпил еще, соорудил «крутому» наглую рожу и толкнул ногой Нила:

– Смотри, как разволновался, аж покраснел. Одно слово – кабанчик. Я только одного никак не пойму, – наклонился он ближе к Нилу, – почему, как девка красивая, так с ней обязательно козел какой-то?

В то же время «крутой» одернул свою спутницу и что-то шепнул охраннику. Заигравшая музыка разрядила атмосферу, и Андрей предложил подвалить к трем веселым девицам, устроившим канкан возле эстрады.

– На что ты там все глазеешь, дорогая? – спрашивал Йонас Петрович свою даму. – Да ты же меня не слушаешь, елы-палы! Куда она пялится, хотелось бы мне знать? – он посмотрел на Нила и Андрея, облизнул блестящие мясистые губы, ухмыльнулся: – Нравятся?

– Да! – резко ответила дама.

– Надеюсь не тот наглец с бородкой? – продолжал как бы игриво Йонас Петрович. – Конечно не он. Таких ты не любишь! Постой, постой, а второй, ну этот скромняга, кого-то он мне напоминает? – на секунду задумался, но тут же, словно обрадовавшись чему-то, воскликнул: – Ба, во почему ты вылупилась! Ну, вылитый Сашик! – и с упреком закончил: – Все никак не можешь забыть дружка своего? Столько лет прошло. А толку-то? Его не вернешь.

– Отстань, – глаза женщины наполнились слезами. – Я вначале испугалась, опешила, потом поняла, что не он.

– Ну, все, все, все, – примирительно понизил голос Йонас Петрович. – В самом деле, перестань глазеть, ты все-таки с мужем пришла.

Женщина неожиданно взяла себя в руки, презрительно посмотрела на супруга.

– А разве без тебя я имею право появляться где-нибудь?

– Имеешь, но мы все же муж и жена и на людях должны быть вместе. А если будешь дальше пялиться, я прикажу убрать этого пацана отсюда.

– Ненавижу тебя! – она отвернулась.

– Но, но, но, опять за старое, – бородач протянул руку.

Его партнерша отдернула локоть.

– Перстень моего дедушки был у Александра, почему он оказался у тебя?

Мужчина зло свел брови.

– Мне это надоело! Сколько тебе надо повторять, что кольца в воде имеют свойство слетать с руки! Он мне отдал его перед нырком. Кто виноват, что это совпало с трагедией.

– Вот только если б я его у тебя случайно не обнаружила, ты бы мне его так и не показал. Не верю, ни одному твоему слову не верю! Господи, какая же я все-таки наивная дура... А этого парня послало само Провидение... В укор мне! Согласиться стать твоей женой – надо было быть полной идиоткой.

Глаза Йонаса Петровича потемнели, но он сдержался. Сделав вид, что ничего не происходит, улыбнулся (улыбка, тем не менее, получилась кривоватой) и тихо прошептал:

– Лия, перестань, прошу тебя, мы же договорились... Так-то ты помогаешь мне проводить предвыборную кампанию?

Художник нагло влез в группу танцующих и сходу завел разговор с красотками, кивнув в сторону друга. Неожиданно рядом очутились охранники «крутого», и вскоре длинный худощавый брюнет как бы невзначай ударил Андрея каблуком по ноге, да так, что у того от боли перед глазами поплыли круги.

– Поаккуратней, слон! – огрызнулся художник и тут же получил удар от коренастого и непомерно плечистого парня, которого можно было бы смело прозвать банальным словом «шкаф». – Ты че, падла, делаешь! – прокричал сквозь грохот колонок Андрей, пытаясь с разворота врезать «шкафу» в челюсть.

Но тот лихо увернулся от удара и профессиональным, едва заметным движением вырубил Андрея. Художник рухнул на пол. Все произошло так быстро, что кроме Нила начала драки никто не заметил. Он молниеносно ринулся к другу, отбил удар худощавого и точным куком поставил его на колени. Второго охранника Нил ударил с такой злостью, что «шкаф»

врезался в ударную установку. Танцующие девицы завизжали, мужчины повскакивали из-за столов, как бы готовясь защитить пришедших с ними дам. «Крутой дядя» тем временем куда-то исчез, а появился уже в сопровождении двух сержантов и майора. Еще через минуту Нил сидел напротив старшего милиционера в одном из служебных помещений ресторана.

– Ну и что ты драться полез? – недовольно спросил майор, щура маленькие глазки, и достал из папки чистый листок бумаги. – Хулиганка явная. Ты ж хороших людей обидел.

– Гражданин майор, я за друга вступился, они первые начали, – пытался оправдаться Нил.

– Ну, браток, от тебя еще и водкой за версту разит, – цедил сквозь зубы страж закона, – будем составлять протокол.

– За что, командир?! – возмутился Нил.

– За драку, – спокойно ответил майор. – Имя, фамилия, год рождения. Судимости были?

– Какие судимости? Я в Чечне воевал! – опять возмутился Нил.

– Все ясно с тобой. Натренировался, а теперь тут решил покуралесить. Вы, чеченцы, все отморозенные.

– Да я не чеченец, ты что, майор, с ума спятил!

– Ну вот. Ты еще и оскорбляешь при исполнении, – нехорошо прищурился милиционер.

– Слушай, майор, кончай, а? Будь человеком! Они же первые начали, девчонки подтвердят...

– Девчонок тех след простыл. А вот уважаемый человек и его супруга видели, что твой друг первый задрался. Ты же, вместо того чтобы его остановить, начал махать налево-направо.

– Кого останавливать-то?! – возмутился Нил, – Он же лежал, ему самому в морду дали. Люди подтвердят, спросите их. Там же в зале много народу, и музыканты видели. Пойдем спросим.

– Ладно, – немного смягчившись, сказал майор, – гони пятихатку, и я тебя не видел.

– Пятьсот рублей? – переспросил Нил.

– Ты че? Зелени пять сотен! – майор словно обиделся, отодвинул папку на край стола и стал разглядывать парня исподлобья.

В этот момент дверь открылась, и Нил увидел «крутого», который, слащаво улыбаясь, обратился к майору:

– Фомич, мы тут разобрались полюбовно. Ты паренька отпусти, я сам все улажу.

– Как это? – запнулся тот.

– Отпусти, отпусти, Фомич.

Ласково говорил «крутой», но было в его тоне что-то такое... Майор сразу же подчинился.

– Как хотите, Йонас Петрович, – покорно согласился он.

– Ну, пошли, боец, – сказал «крутой», когда Нила освободили от наручников, – будем пить мировую. Друг твой оклемался, мои вроде тоже. Но художник твой хам, надо заметить. Не будь у меня сегодня хорошего настроения, не простил бы я его. Он там жену мою рисует, вояка из него никакой, посмотрим, какой он художник. – Йонас Петрович на мгновение задумался, поглядывая на потирающего запястья Нила. – Ладно, не серчай. Ты уж извини, что я на «ты». Не люблю церемониться. Меня зовут Йонас Петрович, а тебя?

– Нил, Нил Батин.

Войдя в зал, Нил действительно увидел Андрея за соседним столом. В руке приятеля была папка с листом бумаги, на котором он что-то рисовал, между делом, потягивая из рюмки коричневатого-янтарную жидкость и весело болтая о чем-то с недавними врагами.

– Знакомьтесь, – сказал бородач, – это Нил, а это моя супруга Лия.

Женщина протянула Нилу руку, их глаза встретились... Нилу стоило немалых усилий, чтобы заставить себя прислушаться к словам «крутого».

– Это Седой, – Йонас Петрович показал на ершистого со сплюсненным носом амбала, – А это Кыня. Присаживайся, Нил, коньяк будешь?

Нил пожал плечами.

– Значит будешь. Кыня, налей-ка всем. Лия, солнышко, не дуйся, тебе шампанского?

Женщина не прореагировала, она теперь добросовестно позировала художнику, глядя куда-то левее его головы.

– Ну, ребятки, выпейте мировую и пожмите друг другу руки, – предложил Йонас Петрович.

Чокнулись нехотя, но примирились. «Крутой» удовлетворенно кивнул.

– Молодцы! – он брезгливо осмотрел зал и неожиданно предложил: – А не махнуть ли нам в ночной клуб? Все, так и решим. Встряхнемся как следует! И ребят возьмем. Не расставаться же, едва познакомившись... Хе-хе! Хорошо, Лия?

Женщина побледнела. Ответ ее прозвучал откровенно грубо.

– Отстань. О, Боже, как я устала от всего этого... Неужели в тебе нет ни капли человеческого? Зачем ты затеял все это? Чтобы показать, что и над мертвыми властен?

Йонас Петрович взял ломтик лимона, пососал его, пояснил добродушно:

– Не слушайте ее, моя женушка сегодня болтает какой-то вздор. Молодость, капризы... Хе-хе-хе. – Он встал, с хрустом потянулся, зашел за спину Андрея. – Ба, да ты талантлив, друг мой!

– Русский Микеланджело. Так его звали в Италии, – подтвердил Нил, испытывая желание уйти, но почему-то продолжал оставаться на месте.

– Да и ты парень не промах, – Йонас Петрович окинул Нила с головы до ног цепким взглядом. – Мне тут Андрей газетку с твоим рассказом показал. Красиво пишешь о войне. Приключения любишь?!

– Просто я немного знаю эту тему...

– Да, наш художник рассказал, что ты премию за этот рассказ получил. – И вдруг глаза Йонаса Петровича загорелись, и он заговорил несколько сумбурно: – Слушай, у меня к тебе есть деловое предложение. Хочешь поработать над книгой обо мне? Моя жизнь – сплошные приключения! Я, понимаешь, с Камчатки, там я крупный бизнесмен, много делаю для своего края, но народ недостаточно знает своих героев. Скоро буду баллотироваться в губернаторы. Нужна книга! И команде моей, и избирателям. Рядовым, так сказать, гражданам нашего государства. Да и для тебя, Андрей, дело найдется. Плакаты, картины, портреты будешь рисовать. И вообще, мне не помешают образованные, культурные люди – элита общества, так сказать. Поедете со мной на Камчатку? Отдохнете от столичной суеты. Природа у нас там обалденная!

– На Камчатку? – Нил никак не мог поверить в реальность предложения.

– Именно! Соглашайся, оплата будет хорошая. А какая у нас там охота! Знаешь, какие у меня лайки? У-у! Целая свора! И все – породистые. И карело-финские есть, и восточно-сибирские, и даже хаски. Я специально держу кабанов и медведей для натаски собак. Звери у меня из рук едят, а потом я выгоняю их к псам. Люблю поглядеть, кто кого растерзает. – Йонас Петрович неприятно хохотнул. – А недавно знаешь, что вышло? У, брат, весело было! Пригласил я солиднейших гостей, ты ж понимаешь, в нынешнее время надо со всеми дружить. Ну, там пара генералов, мэр, главный пограничник приехали. Пустил я Рыжего и Яшку – хорошие у меня были кобели, – рассказчик запнулся, многозначительно посмотрел на жену и продолжал со вздохом: – Да были... Моя красавица, их испортила – баловала почем зря, выпускала гулять вместе со зверьем, предназначенным для натаски. И вот что получилось: лайки полаяли – полаяли и не хотят работать, бегают мерзавцы по загону, с медведем играют, а с кабаном вообще любовь. Представляешь? Ну, я психанул и тут же пристрелил и Рыжика, и Яшку, и кабана, и медведя...

– Ты можешь, хотя бы не напоминать об этом? – Лия покраснела и с отвращением отвернулась к окну.

– Нет, голову отворачивать не надо, пожалуйста, – сказал Андрей, и, когда женщина приняла прежнее положение, еще подкорректировал поворот головы жестом руки. – Вот так. Хорошо.

– Сколько было охов и ахов, – продолжал Йонас, косясь на жену. – Ничего, новое зверье я уже не дам испортить. Ну как, летим на Камчатку, бойцы?

– Предложение очень заманчивое, – ответил Нил.

Йонас Петрович довольно потер руки.

– Насчет оплаты не переживай, я уже сказал: будешь доволен. Послезавтра и полетим. Разрешение на вылет в погранзону я мигом организую: у меня везде связи.

Нил не верил привалившему счастью. Такое бывает только во сне! Чтобы разом все – и возможность заработать деньги, а главное ни с того, ни с сего, за здорово живешь, снова оказаться на Камчатке, о которой он столько лет мечтал.

«Правда, этот Йонас, похоже, говнюк порядочный, – подумал он про себя, – но там рукой подать до морской воинской части. Заработаю денег и – в родные пенаты! Подводные лодки, корабли... Вот где жизнь-то! А люди! Один Игорь чего стоит! Мы с ним горы свернем! Как он там? Из писем не все поймешь... Может до сих пор затейки нашей не оставил? Вот фантазер! Хорошее время – юность... И придумали же – построить ни много, ни мало, а минисубмарину! Покорять просторы океана, искать сокровища! До чего наивными были... Благо материал было где брать – в части-то списанного оборудования скопилось навалом. Жаль, только все закончилось на стадии проекта – отца тогда перевели в Москву. Может, Игорек все еще строит подлодку!? А что... Йо-хо-хо! Еще рванем за сокровищами!»

3. Кое-что об Йонасе Петровиче

Йонас Петрович Быстров – преуспевающий бизнесмен из Петропавловска-Камчатского – регулярно прилетал в Москву. Официальные цели поездок разнились, зато тайная – не менялась. Йонас ездил в Первопрестольную для того, чтобы сдать своему старому приятелю Сергею Макееву золото. Тот был коммерческим директором фирмы, занимающейся переработкой отходов электронной промышленности, в том числе утилизированной военной и космической техники. Между делом новоявленные бизнесмены выплавляли золото и платину, из каких-то суперсекретных, но ставших ненужными сверхпроводников. Лицензия и допуск на право работы обязывали сдавать «товар» государству в слитках по цене, которая более чем устраивала Макеева и его поделщиков. Приходилось, правда, кое с кем делиться, но и оставалось немало. Ну а золото – самой высокой, между прочим, пробы, – естественно, долго в нищем государстве не залеживалось, и его продавали за границу.

Макеев не спрашивал, откуда у Йонаса золотишко. Его интересовала прибыль. Слитки, доставленные приятелем, переплавлялись вместе с добытым из ставшей отходами техники, а потом брусочки с клеймами фирмы сдавались государству.

Йонаса и Макеева связывала давняя дружба. Когда-то оба занимались альпинизмом и познакомились на очередных сборах на Эльбрусе. Макеев уже тогда, «в годы застоя», имел пай в торговле цветами на большинстве московских рынков, а Йонас в ту пору возглавлял артель по добыче морской капусты. Именно коммерческая жилка их и сблизила.

Сделки с Макеевым Йонас Петрович обмывал в ресторане «Прага». В последнее время – раз в полгода – он прилетал с контрабандным грузом в Москву военно-транспортным самолетом. У Йонаса были хорошие связи в военных и таможенных кругах Камчатки, ибо брат его был одним из первых лиц в МВД края. Неизменно в дальние командировки Йонас брал с собой

красавицу жену. Причины придумывал разные, на самом же деле – ревновал ее к каждому столбу и просто боялся оставлять дома.

Лия, живущая с Йонасом не по любви, а в основном по инерции и отчасти по причине страха, не очень интересовалась делами мужа. Его бизнес развивался на ее глазах: консервный цех по переработке икры лососевых находился неподалеку от их шикарного четырехэтажного особняка, укрытый от любопытных глаз капитальным забором. Знала женщина и о нескольких зверофермах, разбросанных по полуострову, хозяином коих являлся ее супруг. Там у него трудился не один десяток людей. Лия навсегда запомнила чувство ужаса, охватившее ее на мясо-разделочном заводе в Северо-Камчатске, куда завез ее Йонас, любивший похвастаться богатством своих владений. Холеный, самодовольный, он улыбался, показывая жене загон со стадом ревущих и мечущихся оленей. А она, увидев устремленные на нее сотни пар обезумевших от страха глаз, понимая, что не в состоянии помочь обреченным животным, побежала прочь. Но Йонас догнал ее, вернул назад, стал поучать: «Ты что думаешь, колбаса на деревьях растет? Это жизнь, а жизнь – штука суровая». Да, суровая. Лия видела, с какой жестокостью муж хлестал кнутом тракториста зверофермы, маленького тщедушного старичка, имевшего несчастье опрокинуть трактор. Тракторист в нахлобученной не по сезону ушанке закрывал щетинистое лицо руками, вздрагивал всем телом и тонким детским голосом стонал при каждом ударе. Лия тогда бросилась к мужу, повисла на его руке, но Йонас, перекинул кнутовище в другую руку и, еще больше ярясь, продолжал избивание...

Лия категорически отказалась ехать в ночной клуб, хотя, довольная работой Андрея, остаток вечера была в довольно благодушном настроении и даже участвовала в беседе мужчин. Йонас Петрович же сошелся с новыми знакомыми так близко, что в строго-шутливой форме наказал и Андрею и Нилу звать его только по имени. Расстались поздно вечером. Йонас шутливо извинялся за женушку, не позволившую им кутить дальше, но глаза его оставались холодными. После того, как наконец разошлись, он послал одного из своих помощников проследить за «новоявленными друзьями». Те поехали на Чистые пруды в мастерскую к Андрею, расположенную на чердаке старого кирпичного здания, где и заночевали. Утром Нил уехал к себе в Бутово. Уже через несколько часов, используя свои связи, Йонас Петрович получил полную характеристику и Нила, и Андрея. Особенно его позабавили слова «вполне законопослушные, исполнительные граждане».

На следующий день Йонас отправился на Арбат. Нашел Андрея, скучающего, возле колонн театра Вахтангова, у мольберта, увешенного рекламными портретами, и пригласил художника пообедать в кафе «Арба». Там и состоялся у них следующий разговор.

– Есть небольшое дело, – без предисловий начал Йонас Петрович. – Кстати, и бабки зарабатываешь.

– А что за работка? – заинтересованно посмотрел на него Андрей.

– Не суетись под клиентом, – криво усмехнулся Йонас, которому почему-то не понравился интерес собеседника, и неприятно сузил глаза. – Съездишь на Урал, отвезешь кое-кому чемоданчик.

– А в нем не бомба? – пошутил Андрей.

Но Йонас Петрович шутки не принял.

– Смотри, – и он открыл чемодан, плотно набитый документами.

– А расходы? – спросил Андрей, внутренне уже приняв предложение делового бородача.

– Помню, помню, что ты у нас свободный художник. Сегодня деньги есть, завтра нет. У вас же товар специфический «нестандарт какой – чашки – чайники», как Галич пел.

– Песенку эту я знаю, – насупился Андрей. – Так сколько на расходы?

– Билеты, день в гостинице и ко мне на Камчатку. Четыре сотни баксов вполне достаточно. Что сэкоишь – твое.

- Отец родной, а Урал-то он бо-ольшой, надо бы поконкретней.
- Ну да, совсем забыл, – засмеялся Йонас Петрович. – В Оренбург поедешь, найдешь там Артура Васильевича. С билетом ко мне он же поможет, усек?
- Я понятливый: просто передать кейс.
- Правильно усвоил. – Йонас оскалился в жутковатой ухмылке, потом опустил взгляд и добавил уже более мягким голосом: – Вот держи адрес и деньги. Можешь лететь хоть сейчас.
- А если завтра? – состроил озабоченную физиономию художник.
- Можно и завтра, но не позже. После встречи сразу ко мне, позвонишь на мобильник, тебя найдут, просек?
- Годится, – утвердительно кивнул Андрей.
- Вот и хорошо, – похлопал его по плечу Йонас. – А я пока тебе выправлю разрешение на въезд в погранзону. Все, я пойду, дела.
- До встречи, – благодушно бросил художник.

Следующим утром Андрей уже летел в самолете. Кейс, набитый какими-то документами, расчетами и чертежами, которые художника абсолютно не интересовали, покоился на его коленях.

«Бумага – это всего лишь мелко нарезанная древесина... – рассуждал Андрей, стуча по чемоданчику пальцами. – А вот поди ж ты, без нее никуда. Иная бумажка таких деньжищ стоит... Э-хе-хе, не для меня большой бизнес. А оно мне надо? Живут бизнесмены, конечно, неплохо да уж очень недолго...»

Еще через пару дней он покинул Оренбург и двумя рейсами с пересадкой в Хабаровске прибыл на Камчатку.

4. Банзай!

На «Микадо» было два смертника-тейсента – Юкио Цурукава и Якумо Катакура. Каждый из них был обучен выполнять поставленную задачу самостоятельно, и имел почетное звание кайтен – «человек-торпеда». Сознательно отдававшие свою жизнь Императору, эти люди пользовались большими привилегиями, по сравнению с другими членами команды. У них был отдельный и довольно просторный для субмарины кубрик на двоих, продовольственный паек смертников был хорошим даже тогда, когда заметно поистощились запасы продовольствия. Никто из команды не догадывался о настоящих задачах подлодки, а эти двое – тем более. Они имели возможность много молиться, читать и думать о сущности бытия. Их не привлекали ни на какие работы. Им достаточно было увидеть цель и беспрекословно выполнить команду, к которой оба себя готовили – уничтожить врага ценою собственной жизни.

В девять утра объявили тревогу. В кубрик к кайтенам зашел полковник Умэдзу. В руках его была бутылка сакэ и две небольших глиняных чашки. Цурукава и Катакура встретили его стоя на вытяжку. Командир субмарины и оба воина были в парадном обмундировании, как и полагается в торжественных случаях. Полковник поставил на стол маленькую спиртовку, откупорил бутылку и налил ее содержимое в большую пиалу. В торжественных случаях сакэ принято пить подогретым. Умэдзу произнес пламенную речь о том, что Родина не забудет своих сыновей, и разлил пиалу в принесенные чашки, оставив свою долю себе. Они молча выпили, затем узким коридором полковник самолично проводил смертников в шлюзовые камеры, расположенные в заднем отсеке по левому и правому борту. В каждой из них размещалась управляемая тейсентаем торпеда, похожая на минисубмарину. Их иллюминаторы были отвинчены. Смертники хладнокровно дали техникам приковать себя стальными наручниками к штурвалам. Три раза дружно прозвучала команда «Банзай». Задраили иллюмина-

торы, потом шлюзовые двери, вода начала поступать в камеры, и уже через две минуты кайтены были готовы для выполнения боевой задачи.

Однако полковник полагал использовать тейсентаев в самый последний момент. Пока же лодка лежала на дне и готовилась к обычной торпедной атаке.

Умэдзу скомандовал командиру торпедистов:

- Приготовиться к бою.
- Цель поймана. Координаты цели... – послышался в наушниках голос майора Наримури.
- Левый борт к бою готов, – доложил торпедист.
- Огонь! – скомандовал полковник.
- Торпеда вышла, – доложил Наримури.

Томительно шло время. Секунды казались вечностью. Наконец экран локатора, перед которым сидел полковник, отразил вспышку. Попадание! Головной корабль получил пробоину и потерял управление. Сильный ветер стал разворачивать его перпендикулярно курсу. На обоих кораблях русских подняли тревогу. С минуты на минуту «Микадо» могли засечь. Не раздумывая, полковник приказал торпедировать второй эсминец. Потом, не дожидаясь попадания, отдал приказ кайтенам продублировать торпедные залпы.

Начиненные мощными зарядами взрывчатого вещества, торпеды-субмарины ринулись на штурм. Мгновение длиною в целую жизнь, и вот Якума Катакура увидел в иллюминатор днище эсминца, только почему-то судно кажется короче, чем должно быть. Может это оптический обман – в воде такое бывает? Но времени для раздумий у смертника уже не оставалось. Незаметным поворотом штурвала он направил лодку под четко видимую ватерлинию, ближе к середине, зная, что смертоносный заряд способен разломить эсминец надвое. Сознание какое-то мгновение еще ощущало оглушительный удар и скрежет пронизываемого железа, потом наступила пустота...

Юкио Цурукава безукоризненно выполнил задание: задний эсминец взорвался и сразу пошел ко дну. Никому из команды не удалось спастись. Одного командир субмарины не понимал: почему Б-46 «Красный дракон», управляемый Якумой Катакурой не попал в цель? Русский эсминец продолжал оставаться на плаву. Полковник отдал приказ о всплытии.

Перископ показал, что русские не готовы к отражению атаки: судно уже значительно накренилось и вот-вот должно было затонуть. Матросы спустили на воду две шлюпки, тяжело груженные деревянными ящиками, и торопливо отплывали в сторону чернеющих во мгле скалистых берегов.

– Полное всплытие, – приказал Умэдзу. – Отдраить люки, подготовиться к надводному бою.

«Микадо», похожая на гигантскую акулу, разрезающую волны своим черным хребтом, шла вперед полным ходом, ныряя в набегавшие волны. Из высокой башни, похожей на обрубленный плавник, торчали стволы крупнокалиберного пулемета. Лоцман с капитанского мостика зорко осматривал окрестности – именно здесь, у двух всегда облепленных чайками красных скал, торчащих из воды угловатыми парусами, были значительные перепады глубин с неожиданным выходом на отмели. Сигемицу знал эти места: незадолго до войны он ходил здесь на шхуне, которая занималась контрабандой, незаконной ловлей рыбы и вывозом из Советской России недовольных властью бывших нэпманов. Тогда он и выучил русский язык.

Неожиданно появившаяся из воды «Микадо» застигла русских врасплох. Те, креня шлюпки, в бессильном отчаянии отстреливались в несколько автоматов, не понимая, что не могут причинить ни малейшего вреда бронированному корпусу подводной лодки. Мешали волны. Чтобы шлюпки не перевернулись, русским приходилось идти к берегу наискось. Но и японцы сбавили ход, боясь налететь на каменистые рифы. Впрочем, первая шлюпка русских была уже почти неуправляема, лишь два раненых матроса из последних сил гребли вес-

лами, но и они вскоре упали, сраженные пулями. Другой шлюпке повезло больше: команда, руководимая офицером, еще как-то умудрялась ею управлять.

Увлеченные преследованием, японцы не сразу заметили на горизонте приближающуюся к берегу эскадрилью самолетов. Это были американские бомбардировщики.

– Этого еще не хватало, – пробормотал Умэдзу, но его лицо по-прежнему было бесстрастно.

Он дал команду погружаться, но не успели задраить люк, как вблизи субмарины упала первая бомба. От взрыва сразу заклинило киль, и лодка потеряла управление. Тем не менее, она начала погружение, но еще одна бомба попала во второй отсек, положив замертво значительную часть находившегося там десантного отряда. Была нарушена система воздушноснабжения. Система всплытия вышла из строя. Офицер торпедного отсека доложил по переговорному устройству, что вода начала стремительно прибывать. Пробраться в безопасное место через задраенный и заполненный водой второй отсек было уже невозможно.

«Они не успеют переодеться в водолазные костюмы и покинуть лодку через торпедные аппараты, – подумал капитан. – Прощай лейтенант Кумэда, ты был безукоризненным офицером».

Умэдзу приказал всем облачиться в легкие водолазные костюмы и шлюзоваться в обеих камерах-обоймах, предназначенных для мини-субмарин. Это был достаточно длительный процесс. Стальные внешние шторы шлюзовых камер открылись только тогда, когда, вздрогнув от удара, подлодка коснулась дна. Первым вышел в океан лоцман Сигемицу, и в это время в «Микадо» попала очередная бомба...

Закаленное постоянными испытаниями тело тридцатилетнего лоцмана постепенно обрело чувствительность. Сигемицу открыл глаза. Увидел перед собою рубинового цвета морскую звезду – она лежала, как и он, без движений на каменистом грунте. Поодаль колыхались заросли ламинарии. Они напомнили ему непроходимые чащи в междугорье за его родной деревенькой, находящейся недалеко от Немуро. Сигемицу не хватало воздуха: очевидно лишь какие-то крохи его запасов остались в баллонах. Но лоцман нашел в себе силы и, с трудом работая ластами, поплыл к поверхности.

5. Хозяйство Йонаса

В одном из окраинных районов Петропавловска-Камчатского на просторном участке идеально выровненной почвы, засеянной канада-грин, окруженная высоким кирпичным забором, возвышалась белокаменная четырехэтажная вилла. Ее венчали четыре разновеликие, крытые красной черепицей башни с медными флюгерами. К дворику виллы примыкал обширный хоздвор, скрытый от посторонних глаз высоким крепким ограждением и получивший название «территория». Там находилась консервная мини-фабрика, барак для рабочих, флигель охраны, просторный гараж для трех иномарок и двух японских мотоциклов, теплицы и разные технические помещения.

Около месяца Йонас присматривался к Нилу, допуская его лишь в икорный цех. Потом начал брать парня на свои многочисленные, разбросанные по полуострову объекты. Вozил по рыболовецким артелям, промышлявшим на берегах Охотского моря и на реке Камчатке, показывал песцовые и собоьи зверофермы.

Нил составил план работы над книгой, наметил главы, со слов хозяина написал главу «Путь к вершине» о прошлом увлечении Йонаса альпинизмом. За будущую книгу был обещан умопомрачительный гонорар – пять тысяч долларов, но оговоренный аванс в размере семиста баксов Нил так и не получил.

– Неплохо, – похвалил Йонас, прочитав изложенное на бумаге.

Он выдавал Нилу обширную информацию о себе и своем бизнесе; естественно, она должна была подаваться только в выгодном для хозяина свете. То, что Нил будет слишком много знать, Йонаса не смущало.

«Ничего, – думал он, – пусть потрудится писателишка, а потом... Потом видно будет. В наших краях человеку исчезнуть навсегда и бесследно ничего не стоит. Это, кстати, и Лию припугнет, последнее напоминание о разлюбленном ей Сашике растворится».

Нил немного завидовал свободе Андрея. Тот жил в небольшой гостинице, расположенной в центре города, ходил, куда вздумается, рисовал пейзажи, выполнял заказы нужных Йонасу людей. Пару раз изобразил самого Йонаса. Тому очень понравился один портрет, и он распорядился повесить его в своем кабинете.

А вот Нилу отлучаться куда бы то ни было с территории хоздвора без разрешения Йонаса категорически запрещалось. Всегда надо было спрашивать позволения, как в пионерском лагере. Впрочем, не один он был подневольным: комендант Алентов – лысый невысокий человечек с острым, вечно шмыгающим аллергическим носом и трое рабочих по цеху, крепкие жилистые мужики, тоже выходили в город крайне редко. Со слов самого разговорчивого из них – украинца Миколы – даже хозяйская жена Лия покидала виллу лишь с разрешения мужа и то разве что в магазин, который, кстати, находился неподалеку. Изредка она появлялась на хоздворе для того, чтобы взять мотоцикл – новенькую «Хонду», которую чаще всего Седой подгонял ей прямо к крыльцу. Нил однажды видел, как Лия вырулила из открытых охранником ворот и с места взяла такую скорость, что у него от восхищения дух перехватило.

Самого Нила на хозяйскую половину никогда не приглашали. Он жил в деревянном отдельно стоящем флигеле, вторую половину которого занимали два охранника «территории» – Серый и Казбек – замкнутые бритоголовые качки. Да и остальные работники хоздвора, за исключением Миколы, напоминали зомбированных людей: совершенно не идущие на контакт, замкнутые, неприветливые. Каждый из них выполнял свою задачу, но все были взаимозаменяемы как детали несложного механизма, а во время авралов, когда доставляли большую партию икры, трудились все вместе в большом алюминиевом ангаре-цехе сутками напролет, без сна. Единственным плюсом незавидной батрацкой жизни была регулярная и довольно приличная кормежка, которую на хоздвор доставляли в больших термосах из местной столовой.

Начатое еще в Москве письмо Игорю Нил решил дописать на Камчатке. Его можно было бы отправить на почту с Миколой – тайным алкоголиком, по ночам на свой страх и риск убегающим в самоволку за бутылкой. Потом Нил передумал – решил устроить другу сюрприз, приехать неожиданно. Кончится же когда-нибудь это странное заточение!

Однажды Нил сумел ненадолго отпроситься у Йонаса в город, для того, чтобы ощутить колорит местной жизни, который ему якобы необходимо было прочувствовать для отображения в книге. Побродил по набережной Авачинской бухты; под крики огромных стай чаек, то и дело взмывающих в небо, полюбовался горными изломами ее красивых берегов. С пропуском Йонаса заглянул в порт, где, несмотря на кризис в стране, все еще кипела жизнь: гудели и скрипели металлом громадные краны, сновали угрюмые и чумазные рабочие, разгружались и загружались стоящие у пирса суда и суденышки.

Затем Нил зашел в гостиницу к художнику.

– Андрюха, ну как ты тут освоился? Как работа?

– Привет! – приятель протянул ему руку. – Да так, гуляю по городу, рисую. А ты чем занимаешься?

– Пишу, – неопределенно похвастался Нил. – Пару глав накропал. Йонас вроде доволен, обещал пять штук зеленых в качестве гонорара.

– Да ну? – восхитился Андрей. – Вот это бабки! Ты пиши, что он скажет, как ему надо. Кстати, у тебя с его женой что?

– Ничего, – нахмурился Нил.

– Ну да, то я не видел, как ты тогда в ресторане на нее смотрел.

– Не болтай ерунду! – оборвал его Нил.

– Да ладно-ладно, я никому не скажу, что ты на нее запал, – поддразнил Андрей.

– А если даже и так, то что?

– Не, девка-то она красивая, все при ней. Но ты что не понимаешь, что тогда из-за нее вся эта буча вышла? Ты, конечно, сам думай, но мне кажется, что отношения с бородой портить нельзя.

– А если я не из-за бабок, а из-за нее сюда на Камчатку рванул? Этого ты не допускаешь? – сам не зная зачем, ляпнул Нил.

– Ты что, – Андрей посмотрел на приятеля так, словно перед ним вдруг оказался марсианин, – рехнулся, что ли?

Нил сообразил, что сказал лишнее, лениво потянулся и успокаивающе произнес:

– Да ладно, не дергайся, пошутил я. Жалко ее, я же вижу, как она со своим уродом мучается.

– А вот жалеть не надо, в России если жалеют, значит любят.

– Тьфу на тебя! – отмахнулся Нил. – Что мне теперь и пару слов ей сказать нельзя? Она, кстати, в книге тоже должна фигурировать.

– Фигурировать, это значит, фигуры показывать? И в какой же фигуре она тебе больше нравится? – довольно заржал Андрей.

– Это надо выбрать по «Камасутре», а я давно уже не читал сей труд, – отшутился Нил.

Однако художник упорно продолжал гнуть свое:

– Я тебе, конечно, не советчик, но держался бы ты от нее подальше. Этот Йонас мужик по-настоящему крутой. Его тут многие боятся.

– Боятся – значит уважают. Ты это хотел сказать? – поинтересовался Нил.

– А вот тут ты ошибаешься. Не любят. Но у него сила, и конфликтовать с ним нам никакого резона. А бабы... Йонас говорил, скоро в горы поедem, там телки будут, – встряхнемся!

– Эх, Андрюха, везет же тебе, все у тебя просто, – вздохнул Нил, рассеянно слушая. – Телки, говоришь, будут... А почему ты себе женщину не найдешь? Настоящую.

– Куда спешить? Есть девочки – отрываюсь. А они всегда будут!

– Ты прям философ, – заметил Нил.

– На том стоим, – подмигнул художник. – А также лежим и все такое прочее. Ладно, пойдем, пропустим по рюмочке.

Не спеша друзья спустились в расположенное на первом этаже кафе и до вечера просидели за бутылкой, а когда погода за окном начала портиться, Нил попрощался с Андреем и быстро, чтобы не попасть под дождь, отправился на хоздвор.

Пройдя через КПП на территорию и поздоровавшись с Серым, он отправился к себе и увидел на скамейке возле флигеля беззаботно курившего Миколу.

– Слухай, – подскочил тот к нему, – он шо, берет тебя с собой на дальний вулкан? Так возьми мое сало – вот про шо тебе малявить надо, а не про цу свинку – Йонаса. Он мужик жесткий. Куда ни кусай – везде зубы обломаешь, а место там шибко красивое, я раз був.

– Значит, ты – особа, приближенная к императору? – засмеялся Нил.

– Не, я просто этому козлу городскому и его брату-менту, тоже козлу приличному, горного козла на вертеле готовил. Еще вот чего скажу тебе. Если его брат там будет, то дюже осторожно держись с ним. Подлючий человечек, хотя у ментов здесь он один из главных. Когда мы летели на вулкан, то они всю дорогу пили, а одна шлюшка ихняя пить не хотела, ее и без того мутило. Так они ее за ноги с вертушки вывесили. Она мигom вмазать согласилась.

6. На чужом берегу

Эскадра американских самолетов, потопивших японскую субмарину, давно ушла на восток. Лоцман Кацуо Сигемицу, увидевший одну из шлюпок русских, словно скорлупа болтавшуюся в бушующих водах, плыл к ней с чувством, будто это происходит с ним во сне. Он несколько раз забывался, но, приходя в сознание, по-прежнему ощущал себя в движении: руки автоматически куда-то гребли. Добравшись до шлюпки, лоцман с опаской подтянулся и заглянул через борт. На дне, сплошь покрытом небольшими деревянными ящиками с прикрученными металлическими ручками, лежали трупы матросов. Убедившись, что никого в живых не осталось, Сигемицу перевалился через борт и сорвал с себя маску вместе с воздушным шлангом – чистый прохладный воздух ворвался в легкие. Лоцман был контужен, и голова шла кругом. Сев за весла, японец увидел, как лежавший на корме матрос очнулся, застонал и двинул рукою, по-видимому, ища оружие. Но лоцман опередил его. Взяв автомат с круглым черным диском с груди убитого моряка, он выпустил очередь в раненого. Матрос затих.

Выбравшись на берег, Сигемицу огляделся, выждал немного и вернулся к шлюпке. Взял один из деревянных ящиков и едва... перевалил его через борт. Ящик для своих размеров был необычайно тяжел. Лоцман открыл его подобранным штык-ножом. Даже в тусклом свете непогоды подобно яркому солнцу заиграли желтые блики. Золото! Он бросился к другому ящику – и там за приподнятой доской оказался золотой слиток. Так вот какое важное задание выполнял экипаж «Микадо»! Все ящики в обеих шлюпках были с золотом. И оно теперь принадлежит Японии! Необходимо было как можно быстрее спрятать добычу. Но где? Узкая береговая полоска была слишком открыта, а вверх по распадку поднимать ящики в одиночку тяжело, да и время поджимало: после налета американцев вот-вот следовало ожидать еще каких-нибудь неприятностей. Сигемицу внимательно осмотрелся. Горы вплотную подходили к воде. Шторм, успокаиваясь, еще лизал подножия скал длинными покрытыми пеной языками волн. Неожиданно за скалой в пенистых водах блеснуло что-то стальное. Затем лоцман разглядел маленького красного дракона, и подумал, что сходит с ума. Сигемицу зажмурил глаза и мотнул головой, но вновь в прибрежных волнах показалась красная эмблема с изображением дракона.

«В-46, „Красный дракон“ – дошло до лоцмана. – Вот почему головной корабль русских сразу не затонул».

Лодка-торпеда лежала на боку. Сигемицу нагнулся к коснувшемуся земли верхнему иллюминатору и увидел тело Якумо Катакуры. Отвинтить люк удалось быстро. Лоцман потрогал шейную артерию смертника – она пульсировала. Сбить наручники не представлялось возможным. Лоцман оттянул поочередно каждую руку воина и поочередно в упор расстрелял держащие их цепи из автомата, потом взял Катакуру за плечи и вытащил его на камни. Грохот и лязг металла привели кайтена в чувства: голова его качнулась и стала понемногу приподниматься.

– Где мы? В лучшем из миров? – спросил Якумо лоцмана, вглядываясь в его лицо через мутную пелену застилавшего глаза тумана.

– Нет, все еще на грешной земле, – ответил Сигемицу.

7. На вулкане

Вертолет приземлился в кратере потухшего вулкана на довольно ровный, видимо специально подготовленный пятачок, выложенный черным туфитом. Чуть ниже площадки находилось овальное озерцо с кристально чистой водой, заполнившее уходящее в земные глубины жерло. Ровные берега озера были покрыты ковром низкорослой травы. Довершали красоту уединенного места причудливые скалы – выветренные стенки кратера. Нил вместе с Седым, Лохматым и рыбоглазым битюгом, который привез веселых девиц и какого-то иностранца, начали устанавливать неподалеку от вертолета огромный массивный стол – его составные фрагменты были вынуты из углубления в скале. Андрей разложил мольберт и краски.

– Почти как Медвежий ручей на юге Канады, не находишь? – Йонас посмотрел на пришедшего в восторг иностранца, потом перевел взгляд на ждущего распоряжения рыбоглазого, бросил ему: – Развлекайте гостя, а я пойду позанимаюсь любимым делом, – и направился к вертолету, возле которого Лия о чем-то разговаривала с пилотом. Там он надел на плечи довольно объемистый рюкзак, повесил на шею бинокль и легковесный американский карабин, затем притянул к себе равнодушно посмотревшую на него жену, сказал ей что-то внушительное, и, обогнув по берегу озерцо, исчез за скалами.

– Куда это он? – спросил Нил, когда Лия оказалась рядом.

– Уходит в горы тренироваться, он ведь бывший альпинист.

Нил сидел рядом с заграничным гостем, оказавшемся колумбийцем. Девушки, помня наказ хозяина, старались различными шутками-прибаутками и анекдотами развлекать гостя. Тот посмеивался.

– А, говорят, иностранцы не понимают русского юмора, – улыбнулся Нил.

– Ну, я-то понимаю, – ответил колумбиец. – Я же закончил ваш Московский университет, филологический факультет. А зовут меня Хорхе.

– Кстати, хочу вам рассказать чисто филологический анекдот, – сказал Нил, – который никак не могут перевести ни на один язык мира.

– Это действительно трудно, – вежливо согласился Хорхе. – Прелесть хорошего анекдота заключается в игре слов.

– Нил, милый, расскажите, пожалуйста, – попросила Лия.

– Ну слушайте, – согласился Нил. – Одна молодая пара выиграла путевку на курорт. Одну. Они долго уговаривали друг друга поехать, в конце концов юная жена привела мужа последний аргумент, сказав: «Мне нельзя на солнце, я беременна. Так что поезжай ты. Но, пожалуйста, опиши мне всю правду, что бы ни случилось у тебя в дороге». Муж был молодой и поклялся, как и все молодые, что так и сделает. И вот сидит он в купе поезда, жует яблоко и смотрит в окно. Вдруг с верхней полки показалась красивая женская нога. Не обращая на это внимание, муж продолжает жевать яблоко и смотреть в окно. Появилась вторая нога, не менее красивая, чем первая. Он – ноль внимания. Тогда появляется обладательница ног, достойная, я вам скажу, во всех отношениях и садится напротив него. Некоторое время молчали, но в конце концов муж не выдержал, и они разговорились. Подъезжая к Харькову, женщина сказала: «Ты мне нравишься, поживешь у меня двое суток, потом поедешь дальше». Мужик, не долго думая, согласился. Ночью она зовет его в постель. Он говорит: «Не могу, я должен описать жене всю правду, а что я напишу?» – Нил посмотрел на Лию и показал на нее пальцем. – Она диктует, – потом перевел палец на Хорхе, – а он пишет: «Милая, дорогая, в дороге подвернулась нога, остановился в Харькове, лежу, точка, обнимаю, точка, твой Коля».

Лия захлопала в ладоши:

– Какая прелесть, ведь все абсолютная правда!

– Действительно, это очень тонкий филологический анекдот. Не удивительно, что ни один иностранец, не владеющий русским, никогда не поймет, что значит: «подвернулась нога», – ухмыльнулся колумбиец.

– Хорхе недавно перевел на испанский язык Ахматову, – сказала Лия.

– Ага, а сам покупает у наших генералов военную технику, – заговорила одна из девушек.

Ее проигнорировали. А Хорхе вдруг сделал хитрое заговорщицкое лицо и, не обращая внимания на Нила, нагнулся к Линому уху:

– А вас, Лиечка, я отоблю у Йонаса и сделаю своим референтом. Вы же давно мечтаете жить за границей! Скажите, ведь по большому счету вы не любите своего мужа? Это написано на вашем лице.

Лия, не ответив, отвернулась, делая вид, что любит треугольником снежной вершины.

– А ваши мужчины похожи на наших? – осведомилась та же девушка.

Хорхе мельком посмотрел на нее, но все же ответил:

– О, нет, наши мужчины совсем другие, хотя что-то общее есть. Мы ценим женщин значительно больше.

– «Потому что на десять девчонок по статистике девять ребят», – напела Лия и встала из-за стола, пристально посмотрев на Нила.

Они подошли к V-образному провалу в стене кратера, через который из озера вытекала вода.

– Там водопад, – сказала Лия, упершись ногою в скалу и заглядывая вниз, где вода сначала разбивалась об уступы, а потом, падая с огромной высоты, шумела и пенилась.

– Бьютифул, – сказал по-английски Хорхе, увидев раскрывшуюся под ним пропасть.

– Лучше гор могут быть только... – Нил посмотрел на Лию.

Она, словно подхватив его фразу, сказала:

– Да, – и показала вниз. – Там осенью собирается безумно много рыбы. Голец и кижуч поднимаются сюда на нерест. Нил, я слышала, вы рыбак, для вас это, наверное, очень интересно. Только здесь рыба ни на что не берет.

– Сейчас я принесу спиннинг и покажу, как надо ловить. Готовьте посуду для ухи. Вон по той тропе, похоже, можно спуститься, – Нил повернулся, чтобы идти к вертолету, и наткнулся на Седого, стоящего за его спиной.

– Стоять! – осек его тот. – Йонас должен был предупредить тебя, чтобы с кратера никуда.

– Да пошел ты, могу я хоть на отдыхе делать что хочу? – Нил направился мимо мордоворота.

– Нет! – Седой железной хваткой схватил его за рукав.

– Отвали, – Нил крученым движением освободился.

Все это время Андрей наблюдал за гостем из далекой латиноамериканской страны, видимо, намереваясь сделать исторический портрет и подзаработать. Лишь изредка он подходил к столу, чтобы выпить и закусить. Художник уже вовсю трудился над каким-то наброском, но, услышав шум, поторопился на помощь Нилу.

– Мальчики, мальчики, мальчики! – встряла меж ними Лия и, улыбнувшись, посмотрела на телохранителя. – Седой, пусть москвич развлечется. Ты за него не переживай, он парень бывалый, не пропадет, пусть идет под мою ответственность.

Седой сразу сделался мягче, но Андрея окинул недобрым взглядом.

– Смотри, хозяйка, чтобы он до прихода Йонаса вернулся, а то я ни за что не ручаюсь. Мне еще и за этим приглядывать надо, – и уже, обращаясь к Андрею, добавил: – а ты, гляжу, все такой же борзый. Смотри, рисовальщик хренов...

– Ну хватит! – нахмурилась Лия.

– Отлет в семнадцать ноль-ноль, – уже миролюбиво предупредил Нила Седой. – Опоздаешь – нам из-за тебя всем кирдык настанет.

Нил спускался по опасным уступам, прижимаясь грудью к скале и держась за выступы застывшей лавы. Иногда тропа неожиданно обрывалась, и тогда приходилось рискованно тянуться до следующей полосы уступов. Наконец он оказался на небольшом выступе. Здесь можно было отдохнуть и оглядеться. Во все стороны тянулись горные кряжи. На востоке за горами виднелась голубая полоска океана. На юге в туманной дымке проглядывали две острые снежные вершины – одна повыше, другая пониже. С юга примыкающая к вулкану гора загораживала вид, но из-за ее каменистого склона на дальнем плане тоже выглядывал снежный купол. Нил достал из наплечной сумочки фотоаппарат и сделал несколько панорамных снимков. Потом он сможет соединить фотографии и будет красивый вид. Еще раз полюбовался величественными картинами и решительно двинулся дальше.

Склон стал положе, появились площадки, покрытые кедровым стлаником. Наконец, пригибаясь, Нил подкрался к прозрачной купели. Дно, сплошь устланное черными гладкими камнями, просматривалось как на ладони на глубину до трех метров. Рыбы нигде не было видно.

«Загад не бывает богат, – подумал Нил. – Надо же было хвалиться! Ухой накормлю!..»

Из купели вытекал широкий, но очень мелкий ручей, не способный прикрыть крупные гольши. Нил знал, что гольцам, поднимающимся на нерест, ничего не стоит проникнуть куда бы то ни было по самой мелкой воде. И вообще, эта рыба способна преодолевать непроходимые, казалось бы, участки. Нил вспомнил: когда-то пацанами они наблюдали, как голец, разгоняясь, взбирался по столбу падающей воды на трехметровую высоту, и опять продолжал путь к нерестилищу. Так в чем же дело? Конец августа – начало нереста красной рыбы. Возможно, из-за каких-то условий жизненный график лососевых сдвинулся, и гольцы еще не добрались до верховьев ручья? Придется спуститься пониже, может быть, они отстаиваются перед последним рывком на более-менее спокойных участках.

Нил пошел вниз по ручью. Путь оказался сложен, на нем встречалось множество небольших водопадов. Спускаться по коварным, скользким уступам было нелегко. Ниже появились сплетения ольхового стланика, который то там, то здесь непреодолимо преграждал путь, и тогда приходилось расчищать себе дорогу, разрубая ветви большим охотничьим ножом – подарком отца.

Примерно через километр долина ручья расширилась, справа в нее выходил глубокий распадок, по которому змеилась звериная тропа. Еще через пару километров Нил вышел на слияние ручья с небольшой бурной речушкой. Перед устьем ручья, слева, была протока с тихой водой, которая вместе с речкой и ручьем отделяла островок зеленого кустарника. Нил осторожно направился по протоке. Вдруг стеклянная гладь воды всколыхнулась, закипела и тут же успокоилась: в прозрачной толще промелькнули три огненно-красные торпеды. Ах, каков кижуч в своем брачном наряде! Сердце рыболова учащенно забилося: в каждом, не менее пяти килограммов! Но в быстрой бурлящей реке рыбу увидеть было трудно. Нил направился вниз по течению, в надежде опять найти спокойный плес или старицу со скоплением рыбы. Он так увлекся поисками, что когда оглянулся на громадину вулкана, тот оказался в отдалении. Прикинув, как трудно и долго придется взбираться обратной дорогой, невезучий рыболов совсем уже собрался было повернуть назад, но за очередным выступом скалы неожиданно открылся просторный продолговатый цирк – окруженное горами плато.

«Вот где должна стоять рыба, – подумал Нил, – надо это местечко как следует исследовать».

Но под ногами захлюпало, почта стала болотистой, приходилось вплотную прижиматься к стенам нависающих скал, чтобы пробраться дальше. Река пересекала цирк поперек и уходила в каньон. Справа от ее русла широко растянулось черное грязевое болото, по краям покрытое травой. Слева к цирку примыкало ущелье. Вытекающий из него ручей впадал в реку. За ущельем была видна вершина знакомого вулкана, и Нил подумал, что может быть здесь путь будет короче.

Пора было возвращаться, но незадачливый рыболов снова представил, как над ним будут смеяться. Раздумывая, он рассматривал местность. Заметил в самой дальней части цирка поднимающийся над болотом пар. Нил сделал несколько шагов, повернул за уступ скалы и увидел каскад гейзеров, бьющих неподалеку. Они дымились, распадаясь на небольшой высоте веером брызг. Мелькнула мысль: «Каких только чудес не бывает в природе!» Нил достал фотоаппарат, несколько раз щелкнул затвором, но неожиданно вдали, под горой, мелькнул луч фонаря. Нил напряг зрение, вглядываясь. Да, снова блеснул луч. Теперь он рассмотрел и грот, чернеющий в основании высокой отвесной скалы – свет исходил оттуда. Наконец мелькнула тень и наружу вышла знакомая фигура. Йонас! Нил отшатнулся за скалу.

Йонас держал перед глазами карту, палкой тщательно нащупывал почву, только потом ставил ногу на твердое место и снова застыл, подыскивая твердый участок. Рюкзак за его плечами был уже не такой объемный, но, кажется, еще более увесистый.

«Что он тут делает?» – подумал Нил.

Показываться Йонасу не стоило, недаром же тот предупредил, чтобы никто не отходил от вулкана.

«Видно, тут дело не простое», – пришло в голову.

Следовало как можно возвращаться, чтобы Йонас не оказался у вертолета первым. Однако любопытство не давало Нилу уйти. Тем временем Йонас выбрался наконец на каменистый берег и стал снимать свою ношу. Похлопав по карманам рюкзака, он достал что-то небольшое и тяжелое. Непонятная штукавина в его руках ослепительно сверкнула, заиграв под лучами солнца. Золото! Да, Йонас держал в руках большой желтый слиток.

Подниматься было невероятно трудно, и по козьей тропе к вершине кратера Нил взбирался из последних сил. Наверху его ждала Лия. Она была взволнована.

– Я так за вас переживала, – сказала женщина. – Думала, что-то случилось. Где вы так долго пропадали?

– Никогда не мог найти рыбу, – сказал Нил, едва переведя дыхание, и улыбнулся, смахивая с лица пот. – Видел кижучей, да спугнул.

– Бедненький, и надо было так себя мучить!

– Ничего. Правда, выгляжу теперь перед вами хвастуном. Пришел без рыбы, – Нил улыбнулся, – А где все?

– За столом. Упились, даже Хорхе споили. А эти путаны еще и устроили стриптиз на столе... Ой, у вас есть фотоаппарат, – она увидела у него на шее «Кодак», который Нил не успел убрать. – Сфотографируйте меня на фоне гор, а то моего мужа не допросишься. Кстати, – женщина внимательно посмотрела на Нила, – Йонас запретил брать с собой фотоаппараты. Так что, выхода у вас нет – сфотографируете меня, а я ему ничего не скажу!

Лия устроилась на большом камне, лежащем на краю пропасти. Нил открыл объектив фотоаппарата и щелкнул затвором.

– Теперь моя очередь фотографировать. Панорама здесь просто потрясающая!

Нил согласно кивнул головой.

– Вот и появилась у нас тайна, – шепнула Лия, когда они подходили к столу. – Слава Богу, Йонаса еще нет. Он просто безумно ревнив. – И вдруг зло произнесла: – Легко на помине, вон он показался за озером, возвращается...

8. Двое с подлудки

Катакура, лежащий на земле, быстро приходил в себя: сказывались годы упорных физических тренировок.

– Головной корабль был набит золотом, – сказал Сигемицу, поддерживая голову сослуживца.

– Почему я остался жить? – в голосе кайтена слышалось пренебрежение к ценностям земной жизни.

– Твоя лодка ударила под слишком острым углом к корпусу эсминца. Тебя рикошетом выбросило на берег. Но сейчас не время об этом говорить, надо уходить. Скоро сюда могут подойти русские или американцы. Поторопимся спрятать золото. Оно необходимо нашей стране для победы в войне. Пойдем. Ты можешь идти?

– Да, – Катакура пошел за лоцманом, пошатываясь на широко расставленных ногах.

Шлюпка оказалась за поворотом. Ее, прибывшую к скале, облизывали утихающие волны. Второй шлюпки видно не было. Японцы нашли лишь обломок весла, застрявший в широкой трещине скалы. На берегу обнаружили еще два ящика, другие, очевидно, затонули. Лощман зашел в воду в надежде нащупать их, но ноги путались в наносах длинных водорослей, к тому же, даже у берега было довольно глубоко, и он, безнадежно махнув рукой, выбрался на сушу. Они перенесли эти два ящика к остальным десяти, лежавшим в уцелевшей шлюпке.

– Поплыли туда, – лощман указал на север вдоль побережья, – поищем, где можно спрятать золото. Но для начала надо утопить «Красного дракона».

В шлюпке обнаружился длинный железный штырь с багром на конце. Используя его как рычаг, они раскачали лодку-торпеду, буквально по сантиметру передвигая ее к воде. Наконец удалось спихнуть В-46 на глубокое место.

– Надо поскорее убраться отсюда, – сказал Сигемицу.

Якумо с трудом оторвал взгляд от пучины, поглотившей его «дракона», и кивнул.

Они долго плыли вдоль неприступного берега. Над океаном нависали высокие обрывистые скалы, а их собраты, местами торчащие из воды или скрывающиеся у самой ее поверхности, создавали опасность для продвижения в прибойной полосе.

– К берегу, – скомандовал Сигемицу. – Вон по той расщелине, похоже, можно подняться в горы, – и лощман указал на довольно пологий распадок.

Ценой нечеловеческих усилий удалось перенести на полукилометровую высоту двенадцать тяжелых ящиков. Японцы оказались на небольшом плато. Здесь было относительно безопасно. Если русские и будут искать пропавшее золото, то в горах их найдут не скоро. Сигемицу открыл вещмешок, который снял с убитого моряка. В нем он нашел тушенку и хлеб. Перекусили, напились воды из ручья. Где-то послышался гул.

– Якумо, ты слышишь?

– Что, Кацуо сан?

– Где-то летит самолет. – Сигемицу всматривался в небо. – Смотри! – Он указал на появившуюся над горой точку.

– Вижу.

– Скорее! Надо спрятать золото.

Откуда только взялись силы? Как одержимые они прятали ящики в густых зарослях кедрача, росших поблизости. Тем временем стало ясно, что самолет пролетит прямо над ними. Он быстро приближался.

– Русские, – зло произнес Сигемицу.

Ящики наконец удалось спрятать, но где укрыться самим? Вблизи не нашлось вертикальных скал, к которым можно было бы прижаться, а кедровый стланик для человека – укрытие неподходящее. Все-таки Сигемицу умудрился втиснуться под ветки разреженного кедрача, Катакура же метался из стороны в сторону, потом застыл, не прячась, и стал стрелять по самолету, который уже поливал землю свинцовым дождем. Пули ложились близко, с визгом дробя камни. Сигемицу, перевернувшись на спину, вскинул автомат и сквозь ветки тоже выпустил очередь уже вдогонку самолету, который пошел на разворот. Катакура, тяжело дыша, смотрел ему вслед.

– Туда! – Сигемицу показал товарищу на покатый валун, который мог служить хоть каким-то укрытием.

Он пристроил автомат поудобнее и выжидал, подпуская самолет ближе. Летчик начал стрельбу с дальней позиции. Пули крупнокалиберного пулемета крошили камни, заставляя инстинктивно съезжаться. Катакура, открывший огонь первым, бесстрашно вскочил на колени и продолжал стрелять. Вдруг его отбросило назад. Жгучая боль пронзила плечо, но смертник справился с шоком и стрелял по уже удаляющемуся самолету. Неожиданно тот

начал терять высоту. Пилот направил крылатую машину в сторону океана, и вскоре она скрылась из виду.

– Попал, попал! Я попал, – Катакура затряс над головой автоматом, но тут же скорчился от боли в плече.

– Сильно задело? – Сигемицу подскочил к товарищу, осмотрел рану. – Сядь, тебя надо перевязать.

Он снял поясной ремень, перетянул руку раненого и, оторвав от своей нижней рубахи полосу ткани, перевязал окровавленное плечо.

– Судя по всему, кость не задета, – сказал лощман. – Тебе повезло. – Потом помолчал и добавил: – Но дело совсем плохо. Если летчикам удастся спастись, нас рано или поздно начнут искать. Надо надежно спрятать золото и уходить отсюда как можно дальше. Если что, будем выдавать себя за местное население – коряков. Я немного знаю русский язык. До войны мне приходилось работать с этим народом.

9. Новое знакомство

Нил сидел за дощатым столом в «келье», как он называл свой флигелек. Перед ним был раскрыт ноутбук. Три главы будущей книги Нил написать успел. Он сумел убедить хозяина, что предыстория деловой жизни бизнесмена читателям необходима, и тот два вечера напролет надиктовывал начинающему летописцу хронику своего лидерства в школе и университете, рассказывал об успехах в учебе и спорте. То, что Йонаса отчислили с третьего курса, естественно умалчивалось: кому на далекой Камчатке вздумалось бы поднимать прибалтийское прошлое будущего видного политика, да и вожаки «корочки» в свое время были куплены. Теперь Нил размышлял, как доходчивее донести до читателя информацию о предпринимательских успехах хозяина. Йонас не давал ему никаких цифр, предлагая, а точнее навязывая писателю свободу творчества, но при этом мрачно шутил: «Гляди, ежели что не так будет, я спрошу». Нил пытался объяснить, что надо же отчего-то отталкиваться, но в ответ слышал одно: «Пока работай. Потом посмотрим, что добавить».

Нила отвлек от мыслей недовольный голос хозяина, раздавшийся где-то рядом. Йонас за что-то шерстил Миколу.

«Появился, может, найдет время поработать со мной», – подумал Нил и вышел на крыльцо.

– А, писарь! – неожиданно зло воскликнул Йонас. – Я и по твою душу пришел. Мне доложили, что ты, мил человек, отлучался с вулкана. Значит, нормальной речи не понимаешь? Хочешь, чтобы я держал тебя на цепи, как собаку? Будет и цепь.

Нил возмущенно вскинулся, но наткнулся глазами на пустой от жестокости взгляд хозяина и поперхнулся. Было ясно – это не пустая угроза. Страх противной струей пополз вдоль позвоночника. Йонас удовлетворенно кивнул. Казалось, он видел все, что творилось у Нила в душе.

– А для начала, чтобы жизнь медом не казалась, вам с этим хмырем, – он кивнул в сторону Миколы, – задание. Там, за цехом, штабель кирпича, чтобы к утру он был сложен возле забора.

Нил опешил, не зная, что ответить, а Йонас повернулся и направился к вилле. В это время с улицы постучали, и Серый доложил, что хозяина кто-то спрашивает.

Вошел крепкого телосложения совершенно седой бородач, обликом поразительно похожий на Йонаса. За плечами у него висел большой рюкзак, из которого торчала ручка длинного геологического молотка.

– А, Стас, коллекционер-миллионер, какими судьбами? Входи. – Йонас пожал руку вошедшего. – Опять приехал наши камешки собирать? Ты как, в отпуске? Ах, да... Я слышал завод твой того, встал.

– Остановился, – вздохнул Станислав. – Сейчас вся страна остановилась. Как Лия?

– Что ей будет, молодая, здоровая, – буркнул Йонас и сменил тему: – Но ты там еще директорствуешь?

– Нет, на вольных хлебах. А точнее, временно нигде не работаю. Я к тебе с просьбой, может разрешишь у тебя остановиться? – попросил бородач. – Сунулся я было к Шамраеву, а он говорит, его поисковые экспедиции нынче на приколе. Совсем государство не финансирует геологию.

– Да, государственная сфера сегодня не в моде. Но и у меня все, лавочка для вас, путешественников, закрыта. Я теперь на постой никого не беру.

– Йонас выручай, пристрой, хотя бы на какое-то время, пока я в горы не укачу.

– Не могу, я же сказал, – поморщился хозяин.

– А ведь я тогда помог тебе с банком в Москве...

– Да негде мне тебя разместить, – Йонас озадаченно почесал подбородок. – Ну ладно, до завтра вон с тем парнем поживешь: у него в хибаре есть раскладушка. Одежда в шкафу найдешь. А дальше решай с Сахатым или Шамраем – пусть они тебя пристраивают. У меня здесь дисциплина, постороннему человеку находиться нежелательно.

Йонас повернулся, чтобы уйти.

– А что, не выпьем, как бывало? – окликнул хозяина гость.

– Я не пью.

– Неужто, спортом стал снова заниматься?

– Угадал.

– Надеюсь, хоть в картишки не бросил играть? Может, как в былые времена в «секу» по копейке?

– Во-первых, по копейке это не игра, а во-вторых, и в азартные игры больше не играю. Я к бабке ездил порчу снимать. Теперь от рулетки и от карт держусь подальше. Ну, пока, балабол.

Йонас ушел.

– Вот что деньги с людьми делают, – сказал гость Нилу. – А ведь был мужик, как мужик, прижимист, но сговорчив. Да, познакомимся: Стас.

– Нил.

– Имя, как река. Издалека сам-то?

– Москва.

– О, зема! Чем занимаешься у Йонаса?

– Чем придется, – буркнул Нил.

– На икре сидишь? Он на этом деле целое состояние сделал! Ну-ну...

– А вы, значит, коллекционер. Что коллекционируете?

– Камешки, – глаза Станислава загорелись. – Разные там кристаллики, друзы. Ох, если бы ты видел какая у меня в Москве коллекция. Загляденье! Два десятка выростов кристалла берилла в породе, как ежик, – он растопырил пальцы. – А какой морион у меня есть – это такой черный, но прозрачный камень. Во какой! Величиной с семенной огурец.

– Ну, проходите, – Нил провел гостя в дом.

– Да, давненько я у Йонаса не был, разрослось у него хозяйство. – Станислав принялся разбирать свой рюкзак. Он выложил на стол пакет с туалетными принадлежностями, сухую колбасу, буханку ржаного хлеба, свежие помидоры и огурцы. – А раньше я каждое лето сюда в отпуск летал. Теперь не получается конечно, билеты дорогие. Выпьем за знакомство?

Станислав извлек из рюкзака бутылку «Столичной» и, услышав отрицательный ответ, прибавил настойчиво:

– Ну, мы же русские мужики, давай с приездом.

– Не могу, нам еще с Николаем работать всю ночь.

– И что делать?

– Кирпичи таскать. Как в той сказке, жил осел у мельника, он кульки таскал.

– А дня не будет?

– Нам в ночь приказано работать. Мы провинились.

– У вас тут прямо как в армии. Ну, ладно, давай по соточке за мой приезд, и я вам помогу.

Я хоть и дед уже (у меня, кстати, внучка этим летом родилась), но еще здоровый мужик.

Нил пригляделся к лицу гостя: на вид еще совсем молодой.

– Что рассматриваешь, – улыбнулся Станислав. – Думаешь, вру, что дед? Мне уже пятьдесят. Просто я все время в движении, а движение – это жизнь. Где у тебя стаканы?

– Тогда и Миколу надо позвать...

– Зови, конечно. Работать вместе и пить, стало быть, вместе.

Нил привел украинца, выпили и до полуночи втроем носили кирпичи.

10. Ты должен доплыть

Японцам повезло. Побережье окутал сильный туман, при такой видимости поисковые работы было вести невозможно. Два дня раненый Катакура отлеживался в пещере, а Сигемицу, тем временем, бродил по берегу на месте высадки, ожидая отлива, в надежде разыскать что-нибудь полезное с потопленных кораблей.

Когда начался отлив, оголилась прибрежная отмель, и совсем недалеко от берега он увидел ящики с затонувшей шлюпки. Лоцман насчитал восемнадцать ящиков, каждый килограммов по сорок-пятьдесят. Понимая, что такое количество золота одному в горы не перетащить, Сигемицу отправился по берегу искать надежное укрытие для сокровищ и обнаружил в скалах удобную расщелину. Лоцман перевез к ней на шлюпке ящики и тщательно засыпал их камнями. Хорошенько запомнив место и притопив в стороне шлюпку, он вернулся к раненому товарищу.

Как и предполагал самурай, когда туман рассеялся, русские продолжили поиски пропавших кораблей. Несколько раз мимо пролетали самолеты и совсем близко проходили корабли береговой охраны. Но они не смогли обнаружить ни золота, ни прятавшихся в горах японцев.

Солнечным утром, Катакура, уже начинающий чувствовать прилив сил, вдруг вспомнил о кодексе самурая. Он лежал на бушлате погибшего русского моряка и бесстрастно рассматривал ослепительно-голубое небо.

– Кацуо сан, – сказал он, – я не выполнил задания и должен умереть.

Лоцман, вернувшийся от крошечного водопада с двумя касками кристально-чистой воды, пристально посмотрел на юношу.

– Нет, Якумо, ты выжил не для того, чтобы умирать. У тебя будет новое задание. Говорю тебе это, поскольку я старше по званию и теперь я твой командир.

Якумо некоторое время молчал, потом сказал:

– Хорошо, Кацуо сан, я готов выполнить любое задание, если оно принесет пользу моей Родине.

– Надо будет убедиться, что русские прекратили поиски, и тогда ты поплывешь в шлюпке к нашим островам. Добраться до них будет нелегко, поскольку нас могут искать не только русские, но и американцы.

– А как вы?

– Я буду ждать твоего возвращения.

– Но это случится не скоро.

– Ничего. Я буду ждать сколько нужно. У меня есть оружие и патроны, бинокль, а уж на крайний случай, я попробую выйти на местных жителей, которые недовольны властью. Но, думаю, этого не понадобится.

– А если вас найдут русские?

– Тогда моя смерть будет достойна звания самурая. И еще... – Лоцман на мгновение задумался. – Запомни, сынок, вот что: спрятанное нами золото – это не все, главное богатство лежит на дне. Я уверен, что русские в бою не могли погрузить на шлюпки все золото, а наши подводники сумеют его поднять. Ты должен доплыть!

11. На склонах Авачи

На следующий день Нил проснулся в девять часов. Станислава уже не было – ушел в город по своим делам. Нил умылся, сделал зарядку и сел за рукопись. В обед вернулся Станислав, слегка огорченный.

– Говорят, Йонас уехал на пару дней на какой-то свой объект, а транспорт до Мильково только через три дня идет. Что делать? Йонас ведь только ночь разрешил переночевать. Характер у него, сам знаешь, какой!

– Что делать, что делать? Ночуй нелегально. Все равно, говоришь, Йонаса не будет. А я, если что, отоврусь, мол, не знал, как он там порешил.

– И то верно, – облегченно вздохнул Станислав. – Слушай, сейчас видел, мужик вот такую корзинищу грибов тащил откуда-то. Может, тоже рванем? Я место классное знаю, там всегда белые росли.

Нила не надо было долго уговаривать, он с детства любил собирать грибы, да и в подмосковные леса они частенько с отцом выбирались побродить, особенно осенью, с ее прохладой и живописными красками. Николай за грибами идти отказался. Сказал, что пока нет хозяина, он хоть поспит как следует.

Сели на рейсовый автобус, идущий в аэропорт Елизово, отъехали немного от города и вышли на шоссе возле лесистого склона Авачинского вулкана.

– Пойдем по этой тропе влево. Здесь в березняке всегда белые попадались, – указал Станислав.

Они вошли под сень низкорослых корявых берез, и Нил тут же увидел плотную, слегка погрызенную улиткой шляпку боровика.

– С почином, – одобрил Станислав и тут же сам нашел аж три красавца-гриба.

Дело пошло. Грибов было много. Попадались и подберезовики, и сыроежки, но брали только белые. Тропинка забирала немного вверх и вскоре вышла на небольшую отлогую поляну.

– Во, глянькось, кто-то нас уже здесь опередил, – Станислав указал на стоящий под березой мотоцикл.

– «Хонда». У хозяйки такой, – Нил пошел к мотоциклу, чтобы получше рассмотреть заморскую диковинку, но тут же смущенно извинился, увидев неподалеку Лию и еще одну, незнакомую ему девушку. Сидя на широком полотенце, они ели бутерброды с ветчиной и запивали их импортным бутылочным пивом.

– Хорошо вы здесь устроились, – сказал, подходя, Станислав.

– Ой, кого я вижу! Стас, ты ли это? – воскликнула Лия, вставая.

– Я. Здравствуйте! – Станислав подошел и поцеловал обеим девушкам руки.

– Опять приехал в наши края собирать золото-бриллианты?

– Скажешь тоже. Золото, бриллианты! Если нормальный кристалл горного хрусталя найду, и то слава Богу.

Лия обернулась к подруге.

– Это Нил – писатель из Москвы, а это Станислав – известный коллекционер минералов, а еще он ювелир. Украшения делает – загляденье! Познакомьтесь – Катерина, моя подруга.

– Пива хотите? – Катя протянула нераспечатанную бутылку.

– Благодарствуем. – Станислав открыл металлическую пробку, нажав на нее снизу подушечками больших пальцев.

– Ну, ты молодец, – похвалила Лия, – все такой же сильный. – Обернувшись к подруге, спросила: – Правда, он на Дикуля похож?

– Ага, – ответила та, восхищенно поглядывая на пришедших.

– А грибов вы что-то немного набрали, – Станислав заглянул в аккуратный кузовок. – Мы только пришли, а смотрите у нас сколько!

– Да и мы недавно приехали, – сказала Катерина и протянула Станиславу свою бутылку. – Хотите?

– Да нет, спасибо.

– Берите, берите. Я пиво не люблю, просто меня жажда мучает.

– А здесь неподалеку родник есть. Могу проводить, – предложил Станислав.

– Ой, проводите! – Катерина с готовностью встала. – Пойдешь, Лия?

– Нет, я отдохну, сходите сами, – и, провожая парочку взглядом, добавила: – Ну, старый ловелас расправил перья. – Немного помолчав, снова заговорила. – Нил, я давно хотела спросить, у вас брата не было?

– Нет, разве что двоюродный. А почему вас это так интересует?

– Вы очень похожи на одного человека... Его уже нет в живых. Когда-то я очень любила этого парня. Собственно, из-за него и оказалась на Дальнем Востоке.

– А мне Йонас говорил, что вы сюда вместе с ним приехали из Прибалтики. Вы литовка?

– У меня много чего намешано. – Лия задумалась. – Да, теперь я уверена, что с тем парнем у нас была настоящая любовь. А тогда этого не понимала. Как говорится, что имеем – не храним, потерявши плачем...

– Как его звали, того парня?

– Александром. Я даже испугалась сначала, увидев тебя. Уж очень ты на него похож.

Нил пожал плечами, не зная, что ответить, потом дурашливо произнес:

– Ты так красива, что быть похожим на того, кого ты любила, уже высший кайф.

– Не ерничай, – попросила Лия. – Лучше представь себя, сильного и смелого, но еще талантливого как Высоцкий. Все через край – только вы, русские, так можете. И вам – все сразу без отказа. И я не смогла отказать... Потом мы с Сашей собирались пожениться, да я что-то все тянула, сомневалась, не рано ли... Хотелось еще пожить свободной жизнью. Потом Йонас сказал, что он далеко-далеко на Сахалине сколотил артель по добыче морской капусты, что коллектив у них молодежный, природа кругом замечательная, быт налажен и денег они зарабатывают много. Словом, все прекрасно. Поедьте со мной, говорит, не пожалеете. Мы с Сашей и клюнули... Конечно, все оказалось не так: в бригаде половина подонков, да и все остальное не соответствовало словам Йонаса, кроме природы, естественно. А потом Саша утонул. За капустой они уходили по двое, по трое в лодке. Вблизи берега капуста была уже сильно выбрана, и им приходилось уплывать за дальний мыс, где берег сплошь состоит из скал. Йонас был главным и выжимал из людей все соки. Они ныряли в любую погоду, лишь бы вода была достаточно прозрачная, правда, и сам, Йонас, трудился наравне со всеми. Я всегда оставалась на берегу – работала на сушке капусты, хотя мужики чередовались по сменам: день ныряют, день сушат. А тот вечер никогда не забуду... Был красивый закат над горами, и вода в море казалась желтой. И вдруг на чистом небе с юга стало нарастать черное облако. Оно двигалось быстро, так, что мы не успели как следует прижать бревнами ряды уже почти высохшей капусты. Вскоре приплыла одна лодка, и ребята стали помогать нашей бригаде укреплять палатки, которые уже во всю трепало налетевшим шквалом. А Йонаса и Саши все не было... Они в тот раз работали вдвоем. Ребята с первой лодки говорили, что они давали Йонасу знак уходить, но он их не слушал. Короче... Потом вернулся один Йонас и сказал, что их лодка разбилась о скалы, а Саша утонул. Все так просто... Только что был самый дорогой для тебя на свете чело-

век, ел с тобой из одного котелка, пел песни у костра. И все – его нет. Нашли Сашу на следующий день. Он был здорово изуродован о скалы. Похоронили его прямо на берегу. Так и лежит он сейчас там, смотрит на море с горы. Я же уехала с Йонасом на Камчатку. А что было делать? Возвращаться в нищую коммуналку? Спросишь, ну, зачем же с Йонасом. А куда мне было деваться? Я ведь осталась, Бог знает где, совсем одна. Тогда подумалось, может быть, мы в нем ошибались, он, в общем-то, делал все разумно, не будь его железной дисциплины, никто бы не заработал денег, ведь за тонну сухой капусты платили гроши. А со мной он вообще всегда был очень ласков...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.